

Поскольку это не первая их встреча, самопредставления были излишними. Янь Шоу потерял свою руку из-за Шэнь Цяо. В момент, когда они встретились, ненависть наполнила его сердце так сильно, что было яснее, чем когда-либо — его желание убить его было больше, чем чье-либо еще.

Чэнь Гун, однако, продолжал улыбаться.

— Много дней прошло с нашей последней встречи в Жоцяне. Даочжан Шэнь пребывает в благополучии?

Шэнь Цяо, вопреки ожиданиям, не счел нужным обменяться даже парой фраз, и всем своим видом показывал, что не был расположен к беседе.

Прежний Чэнь Гун, со своей необычайно высокой самооценкой, встретившись с таким пренебрежительным отношением, безусловно, взорвался бы от гнева. Без лишних слов он бы уже засучил рукава и полез в драку. Но времена меняются. Теперь, когда он занимал высокое положение, его кругозор и стремления также выросли следом. Он не только не пришел в ярость от холодного взгляда Шэнь Цяо, но и с доброжелательным видом продолжил убеждать его:

— Даочжан Шэнь, буддизм и даосизм были запрещены в течении такого долгого времени, однако теперь, когда Его Величество взошел на трон, запрет был снят. Даочжан понимает, что это значит?

Шэнь Цяо все еще помнил, каким был Чэнь Гун в разрушенном храме: словно ребенок, он радовался лепешке с ослиным мясом, не говоря уже о том, что совсем не понимал иероглифов. Нынешний он стоял здесь, говоря о бывшем императоре, когда-то запретившим буддизм и даосизм. Мачеха, выгнавшая Чэнь Гуна за дверь, вероятно, никогда бы не подумала, что ее пасынок станет таким, как сегодня. Контраст между этими двумя образами наводил Шэнь Цяо на мысли о том, насколько непредсказуемой становилась жизнь, особенно в беспокойные времена. Если человек готов отбросить совесть и нравственность, то все, что ему нужно, чтобы стать вдохновляющим примером для других — иметь достаточно смелости и амбиций, как у Чэнь Гуна.

— Что ты имеешь в виду? - беспечно спросил он.

— Я имею в виду, что у Его Величества нет предубеждений насчет буддизма и даосизма. Буддист ты или даос, нужно лишь подчиниться императорскому двору, чтобы Его Величество принял тебя за равного. Даочжан Шэнь, ты выходец Сюаньду, и изначально именно ты был главой секты, но какой-то негодяй воспользовался тобой и занял твоё место. Если ты захочешь вернуть себе власть, Его Величество всецело поддержит тебя. В настоящее время статус горы Сюаньду как даосской секты номер один в Поднебесной постепенно переходит горе Цинчэн. С поддержкой императорского двора, возвращение на первое место — вопрос времени. Что об этом думает даочжан Шэнь?

Насколько бы ни была умна Доу Янь, она не могла полноценно понять смысл разговора, который затрагивал распределение сил по цзянху, но могла слышать соблазн в словах Чэнь Гуна. Хотя против них стояло три человека, они, казалось, очень испугались даочжана, который держал ее на руках, поэтому для начала предпочли соблазнить его выгодным предложением, избегая применения силы.

Смогут ли они убедить его? Доу Янь немного занервничала и сильнее схватилась за лацканы верхней одежды мужчины.

Краем глаза она заметила, что Юйвэнь Сун, чью руку держал Шэнь Цяо, тоже казался довольно нервным, несмотря на серьезное выражение лица. Было ясно, что он задавался тем же вопросом, что и она.

Баюнь продолжил за Чэнь Гуна:

— Верно, даочжан Шэнь. В этом мире нет ни вечных друзей, ни вечных врагов. До этого секта Хэуань доставила вам неприятностей, но лишь потому, что у нас с вами были разные точки зрения, и каждый настаивал на своем. Сан Цзинсин однажды рассказал мне, что в тот день вы попали в его руки всецело по вине Янь Уши, который держал вас под контролем и предложил в качестве подарка обеими руками. Он завлек Сан Цзинсина словами, на мгновение заставив того потерять контроль над собой. В конце концов, наш общий враг — Янь Уши. Его Величество набирает таланты со всего мира. В прошлом секта Хэуань была не в ладах с буддистами, но теперь нас объединяет усердная служба Его Величеству. Если даосы также присоединятся, выйдет захватывающая история. Как только мир объединится, статусы даосских сект поднимутся, как лодки во время прилива. С учетом того, как благосклонно Его Величество относится к даосам, не говоря уже о возвращении места главы, стоит вам захотеть занять должность национального наставника, как Его Величество неизбежно согласится.

Он видел силу Шэнь Цяо в тот день, когда рука Янь Шоу была отрезана прямо у него на глазах. Баюнь считал, что, столкнусь он Шэнь Цяо, то закончил бы ничуть не лучше.

Янь Шоу хотел отомстить за руку, но не был ослеплен ненавистью. Начало вражде было положено, но никто не хотел быть врагом такому ужасающему противнику.

Будь здесь Бай Жун, она была бы абсолютно поражена. В их первую встречу Шэнь Цяо был слеп и подавлен, не имел и крупицы боевого мастерства и был добычей для всех людей вокруг. Всего за пару лет Шэнь Цяо, шаг за шагом, прошел путь от положения, когда у него ничего не было и каждый мог его обмануть, до положения, в котором сплотившиеся старейшины секты Хэуань не могут выстоять против него.

— Однажды я посетил дворец, чтобы встретиться с бывшим императором. В то время император выразил готовность протянуть мне руку помощи и сделать Пурпурный дворец Сюаньду столпом даосских сект. Если бы я хотел согласиться, то согласился бы еще в тот раз, в чем мне нужда дожидаться сегодняшнего дня? Если говорить о влиятельности и верности слову, разве прежний император не был бы намного более надежным, чем Юйвэнь Юнь?

Этими словами он намекнул на свое пренебрежительное отношение к Юйвэнь Юну.

— Что ж, так тому и быть, – сказал Чэнь Гун. – По-видимому, даочжан Шэнь предпочитает броситься в агонию опасности ради этих двух детишек, которые не имеют к нему никакого отношения. Во имя нашей с тобой привязанности давно минувших дней, позволь этому Чэнь предупредить тебя: если ты поступишь подобным образом, то, вне сомнений, пойдёшь против правительства. Отныне секта Хэуань, буддисты и даже люди императорского двора не станут терпеть тебя. Когда династия Чжоу объединит мир в будущем, ты станешь врагом всей поднебесной. Ты думал об этом?

— Привязанности? Какая между мной и тобой может быть привязанность? Неужели это была привязанность, когда ты, избегая участи фаворита Му Типо, предал друга ради выгоды и навёл на меня губительную опасность? – выражение лица Шэнь Цяо выдало кроху удивления.

Каждому добродушию приходит конец, наступит день, когда и благородный человек не сдержит язвительных насмешек по отношению к определенным людям. Если бы не бесстыдство Чэнь Гуна и отвратительно впечатление от большинства людей секты Хэуань, Шэнь Цяо бы никогда не сказал подобного.

Как только было упомянуто прошлое, лицо Чэнь Гуна сменило несколько цветов. На нем пронеслись следы смущения, вины и гнева, как если бы он испытывал жгучую боль от того, что кожу на его лице срывали заживо.

— Шэнь Цяо, ты как всегда несведущ в текущих делах, – Чэнь Гун ухмыльнулся. – В таком случае, не вини меня.

Янь Шоу скрежетал зубами от одного взгляда на Шэнь Цяо. По его мнению, все, о чем говорили Чэнь Гун и Баоюнь, было чепухой. В цзянху решения принимались с поднятыми кулаками. Кто бы ни обладал твердым кулаком и высокими навыками боевых искусств, за тем и было последнее слово. Он считал потерю руки позором, который никогда в жизни не сможет забыть. Согласился бы Шэнь Цяо на уговоры Чэнь Гуна или нет, он хотел убить его в любом случае, потому, как только прозвучали слова Чэнь Гуна, сразу же ринулся вперед. С молниеносной скоростью он бросился в сторону Юйвэнь Суна, который стоял рядом с Шэнь Цяо.

Его намерения были предельно ясны. Он начал с Юйвэнь Суна, чтобы заставить Шэнь Цяо отвлечься на защиту мальчика и раскрыть свои слабые места.

Скорость Янь Шоу была невероятной. Как только эта мысль пришла к нему в голову, его рука уже пронеслась перед лицом Юйвэнь Суна, едва касаясь волос мальчика. Как и ожидал Янь Шоу, Шэнь Цяо действительно поднял меч, чтобы заблокировать его руку, поэтому именно в этот момент его цель изменилась на Доу Янь, которую Шэнь Цяо держал в объятиях!

Если этот удар придется по макушке Доу Янь, ее мозги забрызгают все вокруг, и она умрет, истекая кровью из всех семи отверстий головы.

Баюнь и Чэнь Гун, естественно, не собирались бездействовать. Стоило Янь Шоу сделать свой ход, как они последовали за ним.

Эти двое атаковали Шэнь Цяо с двух сторон.

Со времен Жоцяна боевые искусства Чэнь Гуна, похоже, снова улучшились. Его меч был подобен зеленой волне, быстрой, как громовая змея, которой сопутствовала многослойная истинная ци. Присмотревшись внимательнее, не трудно было заметить, что его боевое искусство было очень многогранным, как будто содержало в себе сильнейшие качества каждой крупной школы.

Чэнь Гун преуспел, став любимым придворным императора. Хотя Шэнь Цяо дал ему представление о пути боевых искусств, именно Му Типо стал человеком, который по-настоящему обучил его боевым искусствам. Но навыки Му Типо были второсортны, и очень скоро Чэнь Гун обнаружил, что ему больше неоткуда черпать знания. Исключительно талантливый, он никогда ничего не пропускал мимо ушей и ставил себе все более и более высокие цели. Следуя за императором Ци Гао Вэем, он, естественно, вступал в контакт с большим количеством мастеров Ци, включая Мужун Циня, секты Хэхуань и других. Чэнь Гун объединил боевые искусства, которым обучился, с фрагментами Стратегии Багрового Яна, которые случайно получил. Сам того не ведая, он шаг за шагом поднимался все выше по ступеням мира боевых искусств.

Этот прекрасный нефрит едва ли уступал Шэнь Цяо и Янь Уши. Будь Тао Хунцзин жив, он бы непременно расхвалил этот ниспосланный небом выдающийся талант.

Смутные времена требуют великих героев, но также они требуют безжалостных амбиций, и этот мир дал Чэнь Гуну свободу в полной мере. Ему не были предназначены тяготы мирской жизни.

В этот момент искусство меча, которым он атаковал Шэнь Цяо, одновременно казалось модифицированной техникой Мужун Циня и похожим на искусство фехтования Чжуннань. Свиристое и властное искусство владения мечом сочеталось с неуловимыми и энергичными движениями секты Чжуннань. Энергия его меча развевалась, как летающие в воздухе снежные хлопья, которые заполняли собой все пространство, едва уловимо забиваясь в меридианы противника.

Янь Шоу был полон ненависти, Баюнь тайно выжидал удобного момента, а Чэнь Гун наступал шаг за шагом. Со всеми тремя нелегко было справиться, но Шэнь Цяо встречал врагов с мечом в одной руке и с Доу Янь в другой. Ему также нужно было защищать Юйвэнь Суна, отражая атаки со всех сторон, и это ощущалось почти так же, как попасться в сеть, из которой не было шанса выбраться.

Но Шэнь Цяо не собирался бежать.

И не сделал даже шага назад.

Обратив обнаженный клинок против трех врагов, наступающих со всех сторон, он взмахнул Шаньхэ Тунбэй.

Всего одно движение, абсолютно не броское, заурядное.

Однако на городских воротах Пулюжу Цзянь, уже давно вспотевший от волнения за Шэнь Цяо, услышал смутный звук вздымающийся до небес огромных волн, который накатывал со стороны далекого горизонта, гулко раздаваясь будто откуда-то из под глубин земли.

Теперь он мог ясно видеть, что взметнувшийся вверх меч Шэнь Цяо обратился в белые волны, которые слой за слоем моментально охватывали все вокруг.

Наполненный до краев истинной силой природы, человек великой мудрости, поначалу кажущийся неуклюжим, достиг наивысшей точки простоты.

Трое — Чэнь Гун, Янь Шоу и Баюнь были поглощены «белыми волнами», в то время как Шэнь Цяо был всего лишь один, но у него, казалось, было бесчисленное количество воплощений. Все они чувствовали огромное давление, и все их наступление было не только сведено на нет, но и восстало против них, возвращаясь в полном объеме.

Лю Фан не разбирался в боевых искусствах, поэтому тут же изумленно воскликнул:

— Этот Шэнь Цяо — настоящий монстр, как он смог создать такое количество собственных воплощений за одно мгновение?

— Это иллюзия, созданная его мечом, — объяснил Пулюжу Цзянь. — Навыки фехтования Шэнь Цяо, должно быть, достигли вершины мастерства. Боюсь, он даже превзошел Ци Фэнгэ в его возрасте, вот уж действительно, ученик превосходит учителя!

Даже Лю Фану доводилось слышать имя Ци Фэнгэ раньше. В этом мире было очень мало великих мастеров, но у каждого великого мастера, без сомнений, была сила, чтобы возглавить тысячи могущественных войск и спокойно отступить, когда им заблагорассудится, поэтому императорский двор изо всех сил старался привлечь их на свою сторону. Даже такой упрямый человек, как Юйвэнь Юн, очень полагался на Янь Уши и никогда не выставлял напоказ императорское высокомерие в его присутствии.

На данный момент Шэнь Цяо, вероятно, был не намного далек от уровня великого мастера, и на преодоление этого расстояния потребуется не больше восьми или десяти лет. Лю Фан немного ужаснулся, когда услышал эти слова, и поспешил сказать:

— Пулюжу Цзянь, вы свидетель, я никогда не давал приказа стрелять по Шэнь Цяо из луков! Мы с вами вынуждены подчиняться воле императора, у нас нет другого выбора. Если Шэнь Ця... Кхэ, мастер Шэнь что-то неправильно поймет, вы обязательно должны помочь мне

прояснить ситуацию!

— Да, - ответил Пулюжу Цзянь, - главнокомандующий, этот Цзянь, конечно же, понимает, что у вас есть долг службы и вы бы не стали действовать в личных интересах.

Лю Фан вздохнул с облегчением, а затем вернул свое внимание к сражению снизу.

— По-вашему, Чэнь Гун и остальные смогут победить в сегодняшней битве?

Не только эти двое, но и остальные солдаты на городских воротах внимательно наблюдали за удивительной схваткой, наполненной сверканием мечей и атмосферой яростного сражения, распространяющейся по округе. Шэнь Цяо нес двух маленьких детей, что могло мешать ему использовать весь свой потенциал, но все же оставался совершенно спокойным и непринужденным, что не могло не приводить в восторг.

Во все времена ценили героев. Хотя император приказал им напасть на Юйвэнь Сяня, Юйвэнь Сянь все же имел высокий авторитет в армии. Шэнь Цяо с самого начала не имел к нему никакого отношения, но теперь подвергал себя опасности ради этих двух детей. Как такое сердце и душа могли не внушать благоговейный восторг обычным людям?

В день, когда был убит Кунье, присутствовали только члены секты Бишан. Независимо от того, насколько потрясала воображение та битва, о ней знала лишь небольшая группа людей. Теперь же он на виду у публики в одиночку одерживал верх против врага с численным преимуществом.

Этой битве суждено прославиться на весь мир!

Шэнь Цяо защищал Юйвэнь Суна позади себя, в одной руке держа Доу Янь, а другой выстраивая тяжелую завесу из мечей, чтобы на какое-то время прервать атаки Чэнь Гуна и Баюня. Он мягко взмахнул острием меча, а затем, подобно яркой луне, пробивающейся сквозь облака, переполненный великолепием свет хлынул в направлении головы Янь Шоу.

Янь Шоу нанес три удара ладонью, но все они были поглощены энергией меча, вынуждая его отступить на несколько шагов назад. Он рассчитывал, что от совместной атаки Чэнь Гуна и Баюня Шэнь Цяо будет так истощен и подавлен, что не сможет позаботиться о нем самом, но неожиданно противник полностью проигнорировал этих двоих, а энергия его меча устремилась к нему с силой, способной свернуть реки и океаны.

Он быстро поднял ладонь, чтобы заблокировать ее, однако в этот же момент ощутил нестерпимую колющую боль — свет меча был уже прямо перед ним!

Вся его рука была поглощена безграничным белым светом. Боль, которую он почувствовал, была точно такой же, как в день, когда он потерял руку, и осознание этого пугало настолько

сильно, что впервые в жизни ему захотелось развернуться и убежать.

Решимость к сражению исчезла без остатка, а желание убивать было уничтожено. Теперь Янь Шоу всеми силами хотел уйти невредимым, забыв о том, что в тот самый момент, когда он захотел сбежать, он на самом деле уже проиграл.

Все, что он видел — небо, которое целиком заволочло светом одного единственного меча, и именно этот один единственный меч стал тем, что насквозь пронзил его спину и сердце.

Янь Шоу опустил голову и увидел острие меча Шаньхэ Тунбэй, окрашенное в красный.

Это его кровь.

Окровавленный Шаньхэ Тунбэй по-прежнему продолжал гудеть. Звук был очень тихим, но Янь Шоу был удивлен тем, насколько ясно мог его слышать.

Это потому, что лезвие меча вонзилось глубоко в его тело?

Прежде чем он смог это осознать, Шэнь Цяо вытащил меч из его спины. Янь Шоу, пошатываясь, сделал несколько шагов и упал на колени.

Позади него продолжалась битва, однако она больше не нуждалась в его участии.

— Вот каков настоящий герой! - не удержался от вскрика Пулюжу Цзянь с вершины городских ворот.

Другие были лишены дара речи, но по выражениям их лиц было понятно, что они разделяют его чувства.

Такой выдающийся человек вызывал восхищение в любое время и в любом месте.

Чэнь Гун и Баюнь были потрясены смертью Янь Шоу, но из-за этого их наступление не прервалось. Напротив, оно становилось все яростнее и яростнее, как сила ветра и неистового ливня. Оба предпочли избегать прямого столкновения с Шэнь Цяо, вместо этого нацелившись на Доу Янь и Юйвэнь Суна.

Поскольку эти дети были слабостью Шэнь Цяо, то, атакуя на них, они действовали согласно правилу: когда играешь на грани жизни и смерти, имеет значение лишь победа или поражение, а не средства достижения.

Если не убить Шэнь Цяо сегодня, этот человек определенно станет их главным кошмаром в

будущем!

Эти слова одновременно раздались в сердцах Чэнь Гуна и Баюня.

Искусство меча Чэнь Гуна было невероятно быстрым, а Баюнь действовал хитро и подло. Эти двое окружили его — один слева, другой справа, гармонично сотрудничая друг с другом. Они знали, что какой бы мощной ни была энергия меча Шэнь Цяо, она не могла неиссякаемо продолжать наступать.

Шэнь Цяо бросился к Юйвэнь Суну, но не для того, чтобы защитить его, а чтобы бросить Доу Янь ему в руки.

Без его указаний Юйвэнь Сун мгновенно понял, что от него требуется. Он протянул руки и поймал Доу Янь, которая была на голову ниже его самого.

Одним взмахом рукава Шэнь Цяо отбросил их на несколько чжан в сторону, а затем развернулся и устремился в бой.

Сила подобна вздымающимся волнам, тело подобно каменному мосту, следующему за радугой. Вздымающаяся и яркая, она неуловимо несла в себе величие императора поднебесной, в отличие от миролюбивого и беспристрастного меча, что был перед ней.

*Отрывок стихотворения, которое висит на мосту Летнего Дворца в Пекине.

Чэнь Гун быстро сориентировался и решил пресечь надвигающуюся на них силу, пронзив завесу меча противника. Но не успел он обрадоваться тому, что беспрепятственно смог достичь цели, как был абсолютно ошеломлен тем, что этой целью перед ним каким-то образом оказался Баюнь.

«Позади меня!»

Он мигом насторожился резко обернулся, но энергия меча уже устремилась к нему.

Однако Баюнь, столкнувшись с той же иллюзией, что и он сам, уже не мог прервать свою атаку и готовился ударить Чэнь Гуна ладонью.

Чэнь Гун был вынужден подавить свою технику меча и поспешно метнуться в сторону, чтобы избежать удара Баюня.

Шэнь Цяо, тем не менее, оставался беспристрастным. Его тело объединилось с мечом, и он бросился прямо на Баюня.

Если два тигра воюют, один непременно будет ранен.

Баюнь вложил всю свою силу в этот маневр ладонью. Как только он понял, что его целью стал Чэнь Гун, ему пришлось отозвать половину своей внутренней силы, однако шаг был сделан и его было бы трудно повернуть вспять. Свет меча Шэнь Цяо окружил его, изливаясь яростными волнами с силой тысячи цзюнь, которые били прямо в лицо!

Кровь хлынула из тела Баюня, в мгновение ока его горло было пронзено насквозь.

Двое старейшин секты Хэхуань один за другим погибли от меча Шэнь Цяо.

Видя, что ситуация была не из лучших, Чэнь Гун развернулся и бросился к Юйвэнь Суну и Доу Янь, как только Шэнь Цяо пронзил Баюня мечом.

С самого начала их целью был Юйвэнь Сун, решение убить Шэнь Цяо стояло за Янь Шоу. Если сейчас он сможет схватить Юйвэнь Суна, задача будет выполнена.

Он и не думал, что искусство меча Шэнь Цяо достигло таких высот. Сразу после убийства Баюня противник снова устремился к нему с такой ужасающей скоростью, что его цингун не оставлял после себя следов.

С подобной скоростью, даже если он сможет схватить Юйвэнь Суна, столкновение с Шэнь Цяо лицом к лицу было неизбежно.

Один из них — сорняк, который нужно вырвать с корнем, другой же представляет собой огромную опасность для жизни. Нет никаких сомнений, что последний важнее.

Чэнь Гун быстро принял решение отказаться от Юйвэнь Суна. На полпути он сменил направление и помчался в сторону городских стен. Вложив всю силу в цингун, он наступил на выступающие из стен кирпичи и в мгновение ока перепрыгнул городские ворота.

Шэнь Цяо не собирался преследовать его. Он взял Доу Янь и Юйвэнь Суна на руки и побежал в противоположном направлении.

Вернув меч в ножны, с двумя детьми в обеих руках, Шэнь Цяо на одном дыхании бросился за две или три ли прочь, наконец остановившись только тогда, когда городские ворота остались вдалеке.

Он опустил детей и, пошатываясь, сделал несколько шагов вперед, прежде чем вырвать огромное количество крови.

— Даочжан Шэнь! - Доу Янь вскрикнула от испуга и тотчас же подбежала, чтобы поддержать

его.

Юйвэнь Сун не сказал ни слова, но также поддержал его за другую руку, изо всех сил стараясь удержать большую часть веса Шэнь Цяо.

— Все в порядке... - Шэнь Цяо схватился за грудь и с большим трудом попытался утешить их, но его рот продолжал наполняться кровью.

Баюнь и Янь Шоу не были дилетантами. Как старейшины секты Хэхуань, даже не входя в список десятки лучших, они оставались мастерами цзянху. Со своей нынешней силой Шэнь Цяо смог убить двух человек на одном дыхании, что звучало величественно, но стоило большой цены.

Во время боя он получил несколько ударов. Если бы Чэнь Гун не был шокирован и застигнут в расплох той иллюзией, которую ему продемонстрировали, и обратил чуть больше внимания, то с легкостью бы обнаружил, что на самом деле Шэнь Цяо почти израсходовал силы.

Глаза Доу Янь наполнились слезами, она изо всех сил старалась не позволить им пролиться.

— Не плачь! - сказал ей Юйвэнь Сун. - Я уже бывал тут раньше, впереди есть павильон. Давайте пойдём и посидим там.

Шэнь Цяо только сейчас на какое-то время задумался о том, что во время сражения войска солдат не преследовали и не пытались помешать ему. Наверняка многие из них сочувствовали судьбе Юйвэнь Сяня и пытались помочь. Какое-то время дети будут в безопасности, поэтому не было нужды использовать истинную ци, чтобы скрыться.

Доу Янь поспешно кивнула и они вдвоем помогли Шэнь Цяо пройти вперед. Завернув за угол, они увидели небольшой павильон.

Однако в павильоне уже стояли двое людей.

Снаружи также была лошадь на привязи.

— Это папа! - прежде чем Шэнь Цяо успел среагировать, Доу Янь уже узнала личность другого человека. Но вместо того, чтобы оставить Шэнь Цяо позади, она продолжила помогать ему дойти до павильона, и только после этого понеслась к мужчине.

— Папа!

— А-Янь!

Доу И крепко обнял дочь, тревога на его лице сменилась удивлением и радостью.

Увидев эту сцену, Юйвэнь Сун не мог не подумать о своем трагически погибшем отце. Слезы, которые так долго терпеливо ждали, наконец, пролились.

Кто-то положил руку ему на голову и тихонько, с теплотой погладил ее.

Шэнь Цяо.

Юйвэнь Сун ничего не говорил и не рыдал навзрыд, но не смог удержаться от того чтобы придвинуться поближе к Шэнь Цяо и прижаться к нему.

За короткий промежуток времени между ними установилось своего рода безмолвное доверие и молчаливое взаимопонимание, которое они получили взамен на испытание жизнью и смертью.

— Спасибо даоцзунь Шэнь за его спасительную доброту к маленькой девочке! - Доу И поклонился Шэнь Цяо. - Этот И до конца своих дней не забудет ваше великое милосердие!

Он был благодарен от всего сердца, поэтому даже использовал высший почтенный титул для людей из даосских сект.

Когда-то учителя Шэнь Цяо, Ци Фэнгэ, также называли даоцзунь Ци Фэнгэ.

— Господин Доу, не стоит! - голос Шэнь Цяо звучал немного хрипло и слабо.

— Мое имя — Чжансунь Шэн из секты Чжуннань, однажды мне довелось повстречаться с даоцзунем Шэнь на банкете по случаю дня рождения госпожи Су, возможно, вы помните меня, - сказал человек рядом с Доу И, вытаскивая из рукава маленькую фиолетовую бутылочку. - Это таблетки юлу, которые используются сектой Чжуннань для лечения внутренних повреждений. От них может быть польза, так что, пожалуйста, примите их, даоцзунь Шэнь.

Шэнь Цяо не мог отвергнуть его, поэтому учтиво и с благодарностью принял таблетки.

— Несправедливая судьба вана Ци стала известна всей Поднебесной, - сказал Чжансунь Шэн. - Очень жаль, что его заслуги так испугали ныне правящего императора, что тот сознательно ложно обвинил такого преданного и честного человека. Теперь об этом узнают все. У этого Шэна есть семья, о которой он должен заботиться, поэтому ранее он боялся действовать, но теперь, увидев поступок даоцзуня, ему действительно стало стыдно за себя. Пожалуйста, примите поклон от этого Шэна!

Шэнь Цяо протянул руку, чтобы поддержать его.

— Из трех тысяч даосов каждый выберет свой, иной путь. Здесь не за что осуждать. Без вашей помощи с тыла я бы не смог так легко сбежать. Однако я одинок, а семья Су — нет, и нас ничего не связывает. Семья Су все еще в Чанъане, и они восстали со мной против Юйвэнь Юня. С ними все будет в порядке?

— Да, не волнуйтесь. Я учился в секте Чжуннань, но у семьи Чжансунь есть некоторые связи в Чанъане. Мы можем тайно отвезти семью Су на гору Чжуннань, чтобы скрыть их там на некоторое время. Почему бы вам не взять Юйвэнь Суна и отправиться с нами? Чжуннань не самая известная секта, но у нас хватит мужества, чтобы выступить против императора Чжоу.

— Нет, гора Чжуннань находится слишком близко к Чанъаню, — Шэнь Цяо покачал головой. — Если Юйвэнь Юнь решит довести дело до конца и вернется, мы не сможем остаться там надолго. Я хочу увезти его подальше, чтобы избежать опасности.

Чжансунь Шэн переглянулся с Доу И и со вздохом сказал:

— Так и быть. Эта лошадь не быстроногий скакун, однако тоже представитель редкой, известной породы. Даоцзуню наверняка неудобно путешествовать пешком, с ней вам будет намного комфортнее!

<http://bllate.org/book/14532/1287382>